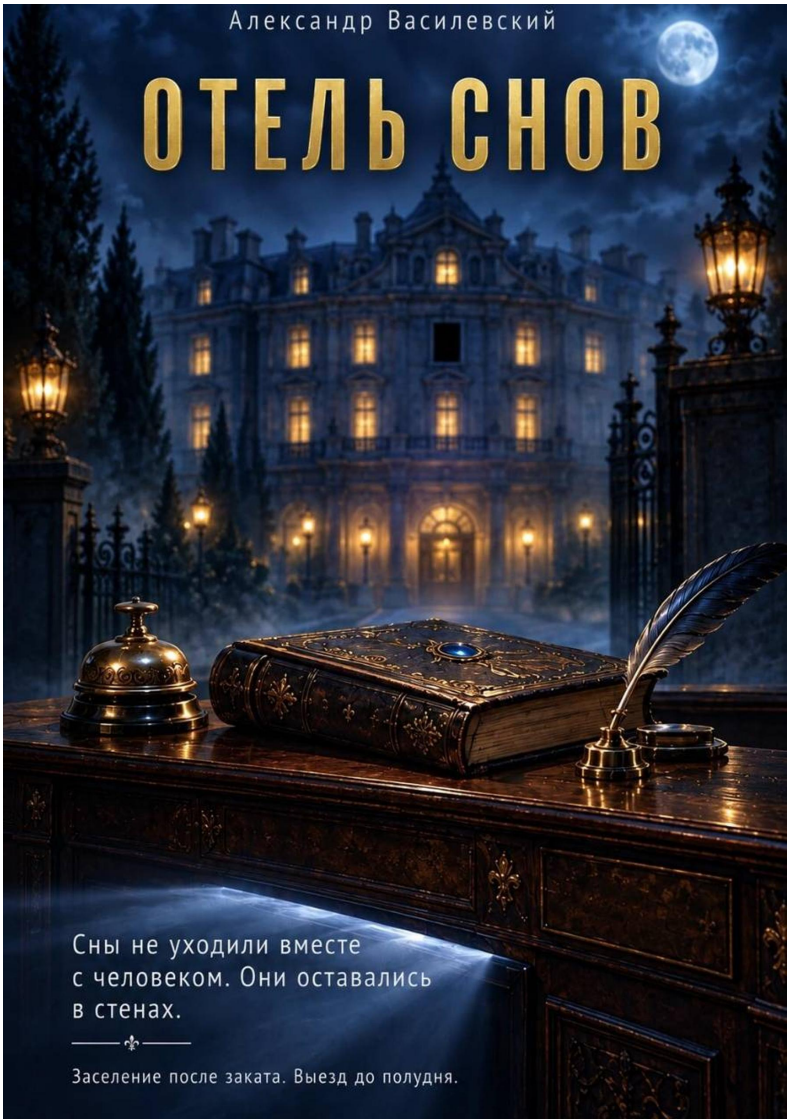

Александр Василевский
ОТЕЛЬ СНОВ
Сны не уходили вместе
с человеком. Они оставались
в стенах.
Заселение после заката. Выезд до полудня.

Александр Василевский
Отель снов

https://litres.ru/74932859
SelfPub; 2026

Аннотация

В самом центре шумного города, за скромной вывеской "Отель снов", скрывается место, которого нет ни на одной карте. Здесь не просят паспорт, но просят рассказать, что мучает вас по ночам. За стойкой портье Мирослава лежит "Книга снов", начатая в 1812 году.

В номере 222 постояльцы записывают свои страхи на пожелтевших бланках. Утром память о кошмаре истаивает, а боль остается на страницах. Отель хранит всё: от бреда французского генерала 1812 года до тишины солдата над проданной Аляской.

Обычный ход вещей нарушает семилетняя Дарья. Девочка видит то, чего не замечают взрослые: книга гудит, вибрирует и сама склеивает листы, соединяя судьбы сквозь века.

"Отель снов" — история о том, что страх — это лишь тень. Чтобы победить прошлое, его нужно не прятать, а отдать бумаге. Мирослав знает это лучше всех, ведь на последней странице подшита и его собственная тайна, которую он не может отпустить уже двести лет.

Содержание

Вводная часть 4
Пролог 18
Бланк из 1812 года 26
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Александр Василевский
Отель снов

Вводная часть

Деревянная гостиница

Дома, как и люди, умеют хранить память. Этот научился её красть.

На этом месте гостиница стоит давно. Раньше, чем здесь появилась площадь, раньше, чем проложили тракт, раньше, чем кто-либо догадался записать её название в путеводитель. Первое здание было деревянным — низкое, с широким крыльцом, с крышей, которая зимой прогибалась под снегом, а весной никак не могла просохнуть. Приезжие останавливались тут, потому что больше было негде: до города ещё путь, до большой дороги — тоже, а ночь заставала в дороге.

Гостиница жила тихо. Кто-то приезжал по делам, кто-то — на богомолье, кто-то — просто переждать непогоду. Ночевали, уезжали, и никто не задерживался дольше положенного. Так продолжалось до осени 1812 года.

В октябре, когда французская армия уже покидала Москву, в деревянной гостинице остановился раненый генерал. Его несли на носилках — солдаты в мундирах, пропитанных дождём и гарью. Он не говорил по-русски, почти не прихо-

дил в себя и всё время бредил. Что ему снилось — неизвестно. Поняли только, что после него в стенах осталось что-то, чего не было прежде. И ещё — лист бумаги, исписанный ровным почерком. Лист этот потом долго лежал в конторке, пока его не подшили в книгу. Слуги потом рассказывали про эту комнату на втором этаже, что в той комнате стали хуже спать, а постояльцы жаловались на странные сны. Тогда на это не обратили внимания: война, разруха, дороги разбиты, не до снов.

Но с той осени повелось: в этой гостинице сны не уходили вместе с человеком. Они оставались здесь! Если этого хотел сам посетитель.

Гостиница упоминается в путеводителях и романах — коротко, без подробностей. Кто-то из писателей ночевал здесь проездом и потом описал длинный коридор и низкие потолки. Кто-то — только слышал рассказы о ней. Ни один не написал главного. Может быть, не понял. Может быть, не поверил. Может быть, просто не успел.

Долго вокруг гостиницы не было ничего, кроме леса и тракта. Зимой — снег до окон, летом — пыль от проезжающих. Потом лес начали вырубать: сначала понемногу, под пашни, потом быстрее — под улицы. Проложили новую дорогу, рядом встали дома. К 1840-м вокруг гостиницы разбили площадь — так она оказалась в самом её центре. Ещё через двадцать лет по сторонам выросли лавки, трактиры, доходные дома. Лес отступил так далеко, что о нём напомина-

ли только липы вдоль площади — их оставили, потому что кто-то когда-то сказал: пусть будут.

Липы остались. А всё остальное изменилось. Отель дождался перестройки — правда, не сразу.

Каменный дом

После Отечественной войны гостиницу перестроили — не сразу, с перерывами. Дерево меняли на камень постепенно: сначала главный корпус, потом крылья. К 1850 году на этом месте стояло новое здание — в стиле ампир, с двумя корпусами, совмещёнными под тупым углом. Большой корпус южным фасадом выходил на площадь. Комплекс зданий образует замкнутый внутренний двор. Из окон видно и площадь, и липы вдоль неё.

Но перестройка не коснулась всего. Часть одного крыла — то самое место и тот самый номер, где в 1812 году лежал в бреду раненый французский генерал, — так и осталась нетронутой. Деревянные стены не тронули, не заменили камнем, только обшили снаружи, чтобы не выделялись. Внутри всё сохранилось, как было: низкие потолки, скрипучие половицы, печь в углу — та самая комната на втором этаже второго крыла, номер 222.

Почему её не перестроили — объясняли по-разному. Рабочие обходили крыло стороной и говорили, что там «нехорошо». Печь топили до белого каления, а холод не уходил — камень высасывал тепло. По ночам слышались звуки — то шаги, то скрип, то дыхание. Подрядчик сначала настаивал,

потом махнул рукой: пусть остаётся как есть. Так и осталось.

Ремонтом этой части занимался всегда один и тот же человек — имени его не знали, звали просто коллекционером. Кто он был и откуда, не знал никто. Но именно он потом держал в руках все нити — правда, об этом в те годы не догадывались. Поэтому старое крыло выглядело так же хорошо, как и весь отель. Он подновлял его — понемногу, без переделок. И номер 222 редко сдавали гостям. Иногда — только тем, кому некуда было ехать. Или тем, кто слишком устал, чтобы куда-то ехать.

В отеле было шестьдесят восемь номеров. Цены — от пятидесяти копеек до пяти рублей: от комнаты для прислуги до апартаментов с видом. Первые этажи и погреба сдавались в аренду местным торговцам; здесь были лавки, склад, а позже — чайная. А гостиничными номерами управлял всё тот же коллекционер снов — специально приставленный, как было записано в бумагах.

В путеводителе конца XIX века о коллекционере сказано коротко: *«Номерами заведует господин, принимающий у приезжих сны; за сие не берёт платы, а коли гость пожелает — оставляет на чай»*. Ни имени, ни возраста. Только слово — коллекционер.

Он уже тогда был здесь — тот самый молодой человек. Уже тогда не старел. Уже тогда знал всех гостей по именам. И уже тогда работал постоянно — и днём, и ночью.

Отель привлекал известных гостей. Кто-то останавливал-

ся проездом, кто-то — на неделю, кто-то — надолго. Приезжали купцы, офицеры, странники, артисты. Бывали и те, кому некуда было ехать. Таким он предлагал отдельное крыло и номер 222 подальше от чужих глаз. Тихо, спокойно, никто не помешает.

Утром гость уезжал другим человеком. Что именно с ним происходило в ту ночь и в той комнате — никто не рассказывал. Да и не спрашивал. Но перед выездом они всегда передавали ему листок — и он вкладывал его в книгу. После этого прощался с гостем. Иногда — навсегда.

Шли годы. Отель принимал гостей, город рос, эпоха менялась. К началу XX века от прежней окраины не осталось и следа.

Советское время

К 1917 году отель стоял уже в самом центре — не на окраине, не у дороги. Вокруг были трамвайные линии, магазины, присутственные места. Город разросся так, что отель оказался втиснут между новыми корпусами. Двор, когда-то выходивший к лесу, теперь смотрел в глухую стену соседнего здания.

После революции отель национализировали. В здании разместилась военная академия, позже — административные учреждения. Часть корпусов занимало отделение милиции. Казалось бы, отель прекратил существование. Но нет. Часть здания всегда продолжала работать как отель. Номера не закрывались. И коллекционер снов оставался на месте.

Его не было ни в ведомостях, ни в списках, ни в документах. Но был там всегда — и днём, и ночью.

Казалось бы, отель прекратил существование. Но нет.

Часть здания всегда продолжала работать как отель. Номера не закрывались. Пусть их стало меньше, пусть обстановка огрубела, пусть по коридорам ходили не постояльцы, а курсанты и следователи — отель жил. И коллекционер снов оставался на месте. Его не было ни в ведомостях, ни в списках, ни в документах. Но был там всегда — и днём, и ночью. И каждую ночь принимал тех, кто не мог спать спокойно.

Сны той эпохи были другими. В них не было ни французского генерала, ни старых купцов. В них были доносы, ожидание, ночные стуки, чужие шаги за дверью. Люди боялись не того, что за окном, а того, что за стеной. И сны оставались в стенах так же, как прежде.

Однажды в отеле устроили инвентаризацию — проверяли имущество, пересчитывали мебель, описывали номера. Дошли и до стойки. Коллекционер стоял рядом, спокойный, и говорил: «Здесь только журнал и ключи». Книгу он в тот день держал при себе — за пазухой, у сердца. Никто ничего не заметил. А может, заметили, но не стали спрашивать: в те годы странного было много, а спрашивать — опасно.

За стеной гремел трамвай. Пахло мастикой для полов и масляной краской — её каждую весну обновляли на подоконниках. Лампочки Ильича тускло горели в коридорах, и только зелёная лампа на стойке светила ровно, как будто её

не касалась эпоха.

Старое крыло не пустовало. Его поддерживали — тихо, без лишнего шума. Топили, когда нужно. Мыли полы. Меняли постель. Двери номера 222 были заперты. Ключ хранил кто-то, кто знал, когда их открыть. Гостей здесь принимали редко — и всегда провожали до двери, гася свет в коридоре за их спиной.

Так отель и дожил до конца века — с особым старым крылом и номером, с книгой под стойкой, с человеком, который не старел. А потом всё снова изменилось.

Возвращение

В 1992 году часть здания, которая прежде принадлежала государству, была выставлена на торги. Её выкупил владелец уже существующего здесь отеля. Тот самый, кто работал тут ночным портье и которого никто не сменял.

Он вышел за порог в тот год — в последний раз. Подписал бумаги, оплатил, вернулся. Больше не выходил: некому было доверить отель. Впрочем, делами он управлял не выходя из отеля — через доверенных лиц, по телефону, по бумагам. Разве что ночью, когда город спит и никто не видит.

С этого времени началось постепенное восстановление. Номерной фонд возвращался: сначала один этаж, потом второй, потом третий. К 2000 году все номера были отреставрированы — соответствовали облику прежних времён, но уже с современными условиями. Отель снова стал тем, чем был в XIX веке: местом, куда приезжают отдохнуть. И местом,

куда приезжают по другой причине.

Когда в 2000-м заканчивали реставрацию, старое крыло не тронули. Мирослав сказал: это не трогаем, я сам. Никто не спорил. Весь ремонт в номере 222 он делал сам — с особой тщательностью и пристрастием. Номер 222 — та самая комната, но что-то в ней осталось от прежних времён.

Днём здесь обычная жизнь. Завтраки, экскурсии, туристы, командированные, семьи с детьми. Ночью — своя.

Раньше её звали просто гостиницей. Теперь на вывеске — «Отель снов». Вывеска скромная, на фасаде — не сразу заметишь. Рядом — площадь и старые липы. Всё как двести лет назад.

Сейчас вокруг отеля шумно. Кафе, вывески, машины. Площадь заасфальтирована, липы постарели. Отель стоит как стоял — не расширяется, не перестраивается. Только номера внутри обновляются. Снаружи — ни вывески новой, ни ремонта заметного. Кто-то проходит мимо и не замечает. Кто-то останавливается и смотрит долго.

О том, кто принимает гостей

За стойкой стоит Мирослав. Владелец отеля и ночной портье в одном лице. Единственный сотрудник, которого никто не сменяет. Отчество не называет. Все сотрудники отеля называют его Коллекционером снов. Выглядит на тридцать с небольшим — и всегда так выглядел.

Коллекционер снов — так его зовут между собой. Не при гостях, а на кухне, в подсобке, в курилке. Никто не помнит,

когда это началось. Может, с самого открытия. Может, кто-то из старых горничных так назвал — и пошло. При гостях — только по имени, если спросят. А спросят редко: гость видит перед собой портье, а не легенду.

Лицо у него было стёртым, как старая монета, — взгляду не за что зацепиться. Запоминались только глаза: серые, внимательные, чуть усталые. Смотрели прямо, но не давили. Волосы светло-русые, коротко стриженные, без седины. Лицо идеально выбрито.

Одежда его всегда казалась сшитой вне времени — на ней не оседала пыль коридоров, а стрелка на брюках оставалась острой даже после ночной смены. В районе груди — бейджик, на нём старая выцветшая бумажка. Имя — Мирослав, — читается, а дальше всё было стёрто.

Руки у него всегда заняты: книга, лист, ключ, карандаш. Он не стоит без дела. Если не с кем говорить — что-нибудь поправляет на стойке, перекладывает бумаги, протирает стёкла. Движения спокойные, без суеты.

Часы на цепочке, но он никогда не смотрит на них. Как будто время для него не идёт.

Голос тихий, спокойный и уверенный. Он никогда не повышает его — даже если в отеле шумно. И всё же его слышно. Как будто голос не громче, а ближе, чем у других.

Стойка стоит посередине холла — так, что её видно от входа, от лестницы и от лифта. Деревянная, тёмная, с высокой полкой позади. На полке — ключи от номеров, разло-

женные по ячейкам: медные, тяжёлые, с бирками. Ключей больше, чем номеров, — от дверей, которых давно нет. От старых корпусов, от прежних пристроек. Никто их не выбрасывает.

На стойке — лампа под зелёным абажуром. Горит всегда, даже днём. Рядом — журнал регистрации. Обычный, в линейку. Его ведут все, кто работает за стойкой, — днём администраторы, ночью Мирослав. Почерк в журнале разный, но записи всегда короткие: имя, дата, номер. И только напротив 222-го — пусто.

Под стойкой — длинный ящик, почти в половину её длины. В нём, слева, лежит книга. Толстая, большая, в кожаном переплёте, немного затёртая. Украшена камнями и странными орнаментами — не то чтобы красивыми, скорее непонятными. На обложке — теснённое: «Книга снов». Ниже, другим шрифтом, год: 1812. Гость её не видит: ящик закрыт. Открывает его только Мирослав — и только когда достаёт лист.

Никто, кроме Мирослава, никогда не трогал книгу и не трогает. Гость видит только бланк.

Рядом с книгой — стопка бланков. Пожелтевшие листы с тонкой рамкой. Лежат ровно, один к одному. Сколько их — неизвестно. Но когда Мирослав достаёт один, стопка не становится меньше. Рамка не даёт тексту выйти за край — что бы гость ни писал, всё умещается. Если гость пишет неразборчиво, к утру почерк становится ровным. Лист сам. Пах-

нет старым деревом и пылью. А кому-то — воском, дождём, чужим домом. Каждый чувствует своё.

Если гость подходит к стойке, Мирослав не спешит. Сначала — обычные вопросы: как добрались, всё ли хорошо, не нужно ли чем помочь. Голос тихий, спокойный. Он смотрит прямо, но не давит.

Гость отвечает по-разному. Кто-то говорит, что всё хорошо. Мирослав кивает, желает доброй ночи — и разговор кончается. Кто-то запинается. Кто-то отводит глаза. Кто-то начинает говорить о деле, а сбивается на другое — на то, что болит.

Вот тогда Мирослав наклоняется, открывает ящик, достаёт лист и кладёт его на стойку. Рамка чуть поблёскивает под лампой. Книгу он при этом не достаёт — только приподнимает, чтобы вложить лист. Так гость видит край переплёта, но не саму книгу.

Подшивая лист, он не открывал книгу полностью — только уголок страницы. Почерк на старых страницах разный: истории не переписываются, каждая сохраняет истинный подчерк того, кто её писал.

На последней странице — сон самого Мирослава. Подшит в 1812 году. Он его так и не передал.

Утром гость уезжал другим человеком. Сон уходил — не весь, но тот, что мучил. Оставалось смутное ощущение, будто что-то важное было и прошло.

Он знает всех гостей по именам. Помнит, кто приезжал

год назад, кто — десять, кто — сто. Не помнит только, когда сам последний раз спал.

Он работал там постоянно — и днём, и ночью. Ночью — за стойкой или шёл по коридору, проверял порядок. Днём — тоже был на месте: принимал гостей, отвечал на вопросы, подшивал листы. Его никто никогда не видел спящим.

Иногда он стоит у окна и смотрит на площадь. Он не выходит. Последний раз он был за порогом в 1992 году — когда выкупал большую часть отеля. С тех пор — ни разу. Не на кого оставить — так он говорит. Персонал в отеле есть. Но отель — не стены. Его не оставишь на ключ.

Персонал его уважает. И не задаёт вопросов. При гостях — тем более. Так повелось.

О своём прошлом он не говорит. Не отвечает на вопросы — ни прямо, ни намёком. Но если гость приходит с болью, он это видит сразу. Не по словам — по тому, как тот стоит, как держит руки, как смотрит.

Номер 222

Тот, кто попадает в номер 222, сначала не понимает, что не так. Комната как комната: кровать, стол, печь, окно. Но стоит постоять минуту — и становится ясно: здесь всё чуть не такое, как должно быть.

Пахнет старым воском — будто свечи жгли совсем недавно, хотя их нет. Потом — сырой шерстью, как от мокрого пледа. А перед грозой, говорят, тянет озоном, хотя окна закрыты.

Половицы скрипят не под каждым шагом, а выборочно — как будто помнят, где кто стоял. Печь тёплая, даже если её не топили. Стекло в окне звенит от отбойных молотков за стеной — но гости не просыпаются.

Спать здесь ложатся в 21:30. Не позже и не раньше. И сны снятся такие, что утром хочется записать их сразу — пока не ушли. И вместе с записью сна уходит то, что мучило.

Правила

На стойке — табличка. Буквы вырезаны по дереву, краска местами стёрлась. Прочитать можно, но приходится вглядываться.

Для всех:

1. Заселение после заката. Выезд до полудня.

2. Если у вас нет проблем и всё хорошо в жизни — выбирайте любой номер, кроме 222-го.

Для тех, кому плохо или у кого проблемы:

1. Скажите об этом мне.

2. Отдохните. Вы устали.

3. Номер 222 — отдельное крыло, тихо, никто не помешает.

4. Спать ложитесь в 21:30.

5. Всё, что приснится, запишите на листе у лампы и передайте при выезде.

6. Отдых не ограничен. Он заканчивается в момент передачи листа. К утру память о сне истаивает — остаётся только текст на пожелтевшей бумаге.

Все сны, которые приснятся в этом отеле, остаются в отеле. Если вы сами этого захотите.

Пролог

Наши дни

В гостиницу заехала семейная пара с ребёнком.

По родителям сразу было видно: люди занятые, возможно, бизнесмены. Телефоны в руках не замолкали — то звонки, то почта. Заселение заняло чуть больше времени, чем обычно: они даже не помнили, куда положили паспорта. Обыскали все сумки и рюкзаки, а они оказались в карманах одежды. По количеству сумок я понял: заезжают надолго. Сказали — на месяц, с возможностью продления.

С ними была девочка лет семи-девяти. Она не улыбалась — видимо, из-за родителей, которые не обращали на неё внимания. Взгляд у неё уже тогда был серьёзный, умный и добрый — не по годам. Она мне приглянулась сразу.

Когда они наконец дали мне паспорта, я спросил:

— У вас всё хорошо?

Они ответили резко и сразу:

— Да.

Я не поверил. Но не стал спорить. Ну а если хорошо, то я не стал оформлять их в 222-й. Поселил в 221-й — большой семейный номер.

Единственное, о чём меня спросили родители девочки: смогу ли я за ней присматривать или кто-то из прислуги отеля, пока они будут в разъездах и на деловых встречах. Спро-

сили быстро, не глядя на неё, — как спрашивают про багаж. Я ответил: да.

Они поблагодарили меня, взяли паспорта, карточку от номера и пошли.

Но в этот момент девочка не пошла за родителями. И они даже этого не заметили.

Она стояла и смотрела на меня. Смотрела так, что мне стало неловко.

Я решил подойти к ней и познакомиться — ведь мне придётся время от времени за ней приглядывать. Вышел из-за стойки, подошёл, присел, протянул ей руку и сказал:

— Мирослав.

Она тоже протянула руку и уже со смущением сказала:

— Дарья.

После этого она внезапно улыбнулась — ярко, будто включила свет, — развернулась и побежала к родителям.

А я остался ещё недолго сидеть на корточках, размышляя о том, почему она смотрела на меня так, как будто знала больше, чем знают все остальные.

Этот взгляд не уходил у меня из головы весь день. Я думал о них: кто они, откуда, почему заехали именно сюда. Почему Дарья на меня так смотрела.

В течение всего дня и ночи я больше не видел эту семью — видимо, легли отдыхать сразу. Но ночью, проходя по коридору, я слышал, как в 221-м кто-то говорит по телефону. Ночью. Странно. Я остановился на секунду — и пошёл даль-

ше. Всякое бывает. Но я запомнил.

Утром, около семи, ко мне подошли жильцы 221-го. Сказали, что уходят по делам, дочка ещё спит. Попросили присмотреть за ней. И проводить её в ресторан — позавтракать. Шведский стол. Я сказал: конечно. Они быстро повернулись и пошли к такси, которое ждало у входа.

Было семь. До пробуждения Дарьи — ещё три часа. Я поднялся проверить этажи — все ли сотрудники на местах. И предупредить: у нас особая гостья — Дарья из 221-го. Присматривать за ней. Родители попросили.

Обойдя этажи, я заглянул на второй — убедиться, что в 221-м тихо. Прислушался: тихо. И пошёл к лестнице.

Спустившись, я посмотрел в сторону стойки. У неё было какое-то движение.

Я подошёл к стойке. На моём стуле сидела Дарья. В ночнушке. Крутилась. Ящик под стойкой был приоткрыт — я никогда его не оставлял открытым. Но в это утро — оставил. Или его открыли. Она, видимо, заглянула в него, прежде чем забраться на стул.

Я улыбнулся — впервые за много лет.

Чтобы не напугать, я подождал, пока она остановится. Потом подошёл.

— Привет, Дарья.

Она тут же посмотрела на меня:

— Здравствуй.

Я спросил, почему она встала так рано. Меня предупре-

дили, что она просыпается к десяти. А было половина девятого.

— Мне одной темно, — сказала она, — и скучно. Я всегда встаю, когда они уходят.

Я ей посочувствовал. Предложил пройти до номера — одеться и пойти позавтракать вместе. Протянул руку, помог спуститься с высокого стула.

Провёл до номера. Подождал у двери минут десять.

Потом мы пошли завтракать. Я набрал немного. А Дарья меня удивила: дети её возраста обычно берут гору сладостей. Она взяла кашу, фрукты и стакан молока.

Мы сидели друг напротив друга. И тут она задала мне вопрос, который мне не задавал ещё никто — ни из работников отеля, ни из приезжающих. За всё время, что я здесь.

— А что это за книга? — спросила она вдруг. — Ну, в ящике. Я видела. Кожаная, толстая. И там написано «1812». Это когда было? Давно?

Она подумала секунду и добавила:

— А что в ней? Сказки?

Я машинально потянулся к ящику — хотя он был далеко, за стойкой. Девочка слишком наблюдательна. Слишком. Такие либо становятся моими союзниками, либо первой страницей в книге. Я сам не знал, что это значит. Но сказал себе: запомни этот день.

Я сказал:

— Эта книга начата в 1812 году. В ней — рассказы, стра-

хи, переживания, проблемы постояльцев. Тех, кому нужна была помощь. Или просто кто-то, кто выслушает.

У Дарьи глаза засияли.

— Я безумно люблю читать! Особенно необычные и странные истории.

Я сказал, что не читал её всю. Только те страницы, которые писал сам. А те, что писали гости, — не трогал. И что складываю туда ночные рассказы постояльцев из 222-го. Начал ещё в 1812 году.

Дарья удивилась — но, что странно, не задала ни одного вопроса. Просто кивнула. Как будто знала ответ.

Я похвалил её. Сказал, что читать полезно. И попытался увести разговор от книги — чтобы она про неё забыла.

Мы быстро доели. Я спросил, наелась ли она. Дарья сказала: да.

После завтрака я предложил ей поработать сегодня со мной. Она с удовольствием согласилась.

Весь день мы делали обходы по этажам. Помогали убирать номера. Помогали поселившимся найти их номер. Но больше всего Дарье, как она потом сказала, понравилось принимать и оформлять гостей.

В конце дня я разрешил ей писать в журнале — не официальные записи, а пометки на полях. Она старалась. А время от времени, сидя на крутящемся стуле, смотрела на ящик. Любопытства у неё было очень много.

Позже мы сходили на обед. А около шести, когда мы были

за стойкой, приехали родители Дарьи.

По их лицам было видно: день выдался непростой. Усталые.

Дарья сразу спустилась со стула. Улыбка у неё пропала — стала серьёзной. Она подошла к родителям, и они направились к лестнице на второй этаж.

Весь вечер и ночь из их номера никто не выходил. Ужин им принесли в номер.

На следующий день история повторилась. Ровно в семь её родители стояли у стойки и просили посмотреть за дочкой. Я сказал: хорошо. Они поблагодарили и хотели уже направиться к выходу, где их ждало такси, как я окликнул их по именам — я запомнил их ещё вчера, когда они искали паспорта:

— Константин. Александра.

Они обернулись.

Я сказал, что приготовил им завтрак с собой — фрукты, сэндвичи, сок. Они улыбнулись — первый раз за всё время. Взяли боксы, поблагодарили ещё раз и направились к выходу.

Сегодня я уже знал: Дарья проснётся в половине девятого. И поспешил на обход — проверить, весь ли персонал вышел, как у кого дела и какие проблемы.

В восемь пятнадцать я уже спускался к стойке. Движения никакого не было. Но когда я подошёл ближе, то увидел: на полу, рядом с приоткрытым ящиком, сидит Дарья. В руках

— книга снов. Закрытая.

Увидев меня, она извинилась, что взяла книгу без спроса, и поспешила убрать её в ящик. Я не стал её ругать. Просто помог убрать. Но на секунду наши руки встретились на обложке. Я посмотрел ей в глаза. Она выдержала взгляд.

В этом было что-то неправильное. Слишком рано. Слишком быстро. Но я не мог понять — что именно.

Картина не сходилась. Родители-бизнесмены. Взгляд Дарьи при заезде. Вчера она заметила книгу. За завтраком — тысяча вопросов. Весь день смотрела на закрытый ящик. А сегодня утром сидит с книгой в руках.

Я не стал додумывать. Позвал её на завтрак. И сказал, что сегодня у нас тяжёлый день. А в конце него я разрешу ей посмотреть книгу.

Мы быстро позавтракали. Дарья старалась выполнить всю работу как можно быстрее.

К трём часам мы закончили. Направились к стойке, где меня заменял коллега. Я поблагодарил его и сказал, что дальше мы справимся сами. Он ушёл. А мы с Дарьей открыли ящик и вытащили книгу.

— Тяжёлая, — сказала Дарья. — И красивая. Кожа приятная на ощупь.

Я взял книгу в руки. Раньше я касался её, только чтобы подшить лист. Сегодня я хотел прочитать. И книга ответила — не словами, не картинкой. Теплом. Будто кто-то взял меня за руку и потянул в 1812 год. Я не пошёл. Но запомнил это

тепло.

Но что именно написал генерал — я так и не знал. И в этот момент мне захотелось узнать.

Дарья смотрела на меня горящими глазами. Ждала. И я понял, что отступать некуда: она не уйдёт, пока не узнает, что внутри.

Я открыл первую страницу.

Бланк из 1812 года

Бланк из 1812 года

Я открыл первую страницу. Я не знал, что там, но почему-то боялся начать. Почерк был старый, выцветший, бумага слегка пожелтела — то ли от времени, то ли от чернил. Пахло сухой пылью, озоном и чем-то неуловимо медицинским, словно запах старой больницы въелся в саму целлюлозу.

Я на несколько секунд остановился. Посмотрел на Дарью — и понял, что хочу рассказать ей, с чего всё началось.

— Даш, а тебе интересно, с чего всё началось? — спросил я.

— Да, конечно, — ответила она. Голос прозвучал неожиданно громко — в холле было ещё светло, и звук разносился по пустому пространству.

Я замолчал. Вспомнил. 1812-й — как будто вчера.

— В те времена гостиница была не такой, какой ты её видишь сейчас, — начал я. — Она была деревянной, здание и количество номеров были гораздо меньше. Но уже тогда существовал 222-й номер.

Осень была поздняя, холодная. Они приехали ночью — солдаты, все в мокрых шинелях, с обмороженными руками. Генерала несли на носилках. Он был без сознания, и с ним было ещё трое раненых. Они попросили отдельный номер — тихий, чтобы никто не мешал. Мы отдали 222-й. Он был в

старом крыле — отдельный, в стороне от других. Никто не мешал.

Почти неделю солдаты и медики не отходили от него. Он бредил. Не приходил в себя. И всё это время в комнате пахло не только лекарствами. Что-то ещё. Что-то, что не выветривалось.

А на седьмую ночь он пришёл в себя. Открыл глаза — и впервые за всё время посмотрел осмысленно. Попросил перо и бумагу. Солдаты дали ему лист — плотный, с тонкой рамкой. Он писал долго, всю ночь. А утром отдал лист мне. Сказал: «Здесь всё. Больше не вернётся».

Через день они уехали. Я проветривал 222-й — и нашёл на прикроватном столике ещё один такой же лист. Тот же плотный бланк с рамкой. На нём был текст. Я не читал. Лишь скользнул взглядом по строчкам. Но сам бланк запомнил: такой гладкий, будто его держали в руках долго.

Тогда я и понял: на таких должны писать все. С этой истории началась «Книга снов. Отель снов, начатый в 1812 году», которую мы с тобой держим сейчас в руках. А тот бланк лёг в основу всех остальных.

Письмо из Франции пришло позже. Генерал писал, что выздоравливает. Что с каждым днём ему становится лучше. И сон, который мучил его неделю, больше не возвращается. Он благодарил. Я подшил письмо рядом с бланком.

— 222-й номер отличается от всех других, — продолжил я, видя, как Дарья подалась вперёд. — В этом номере реша-

ются все проблемы. Стены там будто впитывают чужую боль. Люди живут в нём, спят, а утром записывают на бланке то, что им приснилось. Во сне приходит то, что мучает. А когда это названо и записано — отпускает. Говорят, чернила там иногда проступают сами. Человек ложится, закрывает глаза — а утром на бланке уже что-то есть.

В этот момент она начала меня торопить:

— Ну же, давай скорее приступать к прочтению первого рассказа! Первого сна французского генерала.

Я сделал ещё один вдох и приступил. Рассказ был небольшой, он укладывался на один бланк. И вот что там было написано.

Сон генерала. Анри де Ламбер

Я, французский генерал Анри де Ламбер, проживал в этой гостинице. В ту позднюю осень я в течение недели находился в тяжёлом состоянии, на грани жизни и смерти. К нам с солдатами отнеслись очень гостеприимно. Спасибо вам за это. А теперь я хочу поведать, что происходило со мной в течение всего этого времени.

Мне снилось поле. Снег. Я иду — и не могу дойти до края. За мной идут тени. Я не оборачиваюсь.

Потом снился дом. Французский. Я помню каждую дверь, каждое окно. Но не могу найти вход. Хожу вокруг — и не нахожу.

Потом — ребёнок. Зовёт меня по имени. Я не помню имени. Пытаюсь вспомнить — и не могу.

Потом я видел себя со стороны. Лежу в комнате. Брежу. Кто-то сидит рядом и записывает. Я не знаю, кто это.

А в последнюю ночь мне приснился скрип пера. Тихий, ровный. Я понял: битва проиграна. Но жизнь не окончена. Нужно лишь признать правила новой игры.

Я понял это не сразу. Только когда перестал цепляться за то, что было. Когда признал: французская армия отступает. Император проиграл. Я ранен. Я жив. Этого достаточно, чтобы начать заново.

В ту ночь я впервые за неделю заснул спокойно. А утром мне стало легче.

Я положил бланк на стол. Дарья молчала, глядя на выцветшие чернила.

— Получается, — тихо сказала она, — чтобы победить свой страх, его нужно сначала впустить в себя, а потом отдать бумаге?

— Выходит, что так, — кивнул я. — И именно поэтому 222-й номер до сих пор чаще всего пустует. Не каждый готов встретиться со своим поражением наедине с бланком и чернилами.

Она протянула руку и осторожно коснулась края бланка.

— А почему у него буквы ровные? — удивлённо заметила Дарья. — Он же болел. Я думала, у него руки должны дрожать.

— Он писал это не в бреду, — сказал я. — Он писал это на седьмую ночь. Когда жар спал. Когда он уже мог держать

перо. И с каждым днём, с каждым принятием того, что случилось, ему становилось лучше. А рука… Рука уже не дрожала. Потому что он больше не держался за прошлое.

Я посмотрел на её пальцы, лежащие рядом с бумагой. Воздух в комнате едва заметно потеплел. Будто кто-то невидимый перевернул страницу — и она пошла дальше, сама. Книга в моих руках стала тяжелее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.